

Добрыня и Алеша (5)

Во стольном во граде во Киеве
У ласкового князя Владимира
Было столóванье-пирóванье.
Все пьют вино. Все стали пьяны-веселы.
Князь по полу похаживает,
Тиху-смирну речь выговариват:
«У всех службы сослужены,
У Добрыни Никитича служба не служена».

Добрыня стал с лавки и спросил: «Какую службу тебе надо сослужить?»
Князь Владимир и говорит:
«Съездить в землю Подольску да Угорьску, дорогу туды почистить да в
гости к тестю заходить». Служба
тяжелая. Не поглянулось Добрыне, он и пошел домой. А туды не зашел, взял
коня с конного двора,
оседлал его. Мати увидела, что поезжат Добрыня. Побежала на верхний
этаж к Настасье Никулишной,
жене его, и говорит: «Настасья Никулишна, что ты сидишь, что глядишь?
Закатáетца наше солнце
красное: съезжает Добрыня с широка́ двора́». Побежала Настасья
Никулишна в онной рубашке без
чулок. Прибежала к Добрыне. Встала по праву сторону, к стрéмецку. Стала
выспрашивать: «Куда поезжаешь,
надолго ли едешь?» Он и сказал: «Еду в землю Подольску да Угорьску. Туды
дорогу проложить надобно».
И дает жене наказ: «Ты первó подожди три годá, как не буду — подожди
другие три, а потом хоть как
живи, только за Олешу Поповича не выходи».

Уехал Добрыня Никитич. Жила Настасья Никулишна три годá. Не бывал
Добрыня из чистá поля.
Пожила ешшо, прожила другие три годá. Не бывал Добрыня из чистá поля.
Приехал тут Олеша Попович
и сказыват: «Видел Добрыню, убитый лежит в чистом поле. Сквозь ребра
проросла трава, а в траве

цветут цветы». Офимья Александровна слёзно заплакала, портила свои очисти ясные, крушила ретивое сердце. Стал Владимир-князь к Настасье Никулишне похаживать, Настасью Никулишну стал посватывать:

«Чем тебе, молодая, время проводить напрасно, выйди замуж, хоть за князя ходи, хоть за боярина, хоть за русского могучего богатыря, выйди хотя за Олешу Поповича». Отвечала Настасья Никулишня:
«Я исполнила заповедь мужнину — прожила вдовой шесть годов. Исполню другу заповедь женскую — проживу другие шесть. Тогда успею уйти в замужество».

Прошло шесть годов. Опять стал Владимир-князь похаживать, Настасью Никулишну посватывать.

Не пошла Настасья ни за князя, ни за боярина, ни за русского богатыря, а пошла за Олешу Поповича.

Пировать стали. Пир пошел третьей день. Сидела Офимья Александровна в высоком тереме и плакала:

«Давно, — говорит, — закатился мое красно солнышко, сегодня закатитца млад светел месяц: уходит Настасья Никулишна, богоданное мое дитяtko».

Видит: кто-то приехал к воротам широким, смело привязывает коня к дубовому столбу, заходит

к Офимье Александровне. «Здравствуй, матушка родимая», — говорит приезжий. — «Добрый человек,

не смейся надо мной. Мое дитяtko было не эдако: личико было румяное, кудри были желтые, одежда на

нем была да хорошая». Говорит Добрыня Никитич: «Матушка родимая, не признала своего дитя! У меня

была приметочка — на правой ноге родимочка» Разул Добрыня сапог со правой ноги, тогда мать и

признала его. «А где, — говорит, — моя молодая жена?» — «Замуж походит, пирует. А завтра к венцу итти хочет».

Взял Добрыня гармонь да пошел на пир. Не омылся, не переволокся, так и зашел. «Здравствуй,

князь Владимир, где наше место скоморошное?» — «Ваше место скоморошье у пецке да ешшо на

запечке». Зашел за печьку Добрыня, в гусли поигрывает, песни попевает. Владимир-князь ему стакан принес: «Хорошо играшь, веселишь мою компанию, садись за стол. Первое место — подле меня, друго́ — против меня, а третьё — куды хошь». Не сел Добрыня подле князя, ни против князя, а сел Добрыня против Настасьи Никулишной. Стал поигрывать, а ему вино подают. Настасья Никулишна налила вина, подала вино и говорит: «Хорошо играешь, так играл мой прежний муж, Добрыня Никитич». Взял скоморошина стакан и выпил единым духом. Добрыня Никитич взаимно стакан подал. Туды именно́ кольцо спустил и сказал: «Пей до дна, так узнашь добра́». Выпила Настасья Никулишна, выпила до дна, прикатилось колецко к её губам, схватила колецко, сама через дубовый стол соскочила и говорит: «Не тот муж, который возле меня сидит, а тот муж, который против меня сидит». Схватила за белу шею, стала на колени: «Прости в той глупости, пошла за того, за которого не велел». Добрыня Никитич говорит: «Я не дивлюсь да разуму женьскому, — их волос долог, да ум ко́роток. Куды их ведут, туды и идут. Только дивлюсь я князю да со княгинею: они просватали молодú жену у жива мужа». Тут и Олеша Попович стал просить прощеньица: «Извини, Добрыня Никитич, что я брал твою жену». — «Я не дивлюсь, что ты брал мою жену, потому что она шибко хороша, а в том тебе не прощу, что ты, когда приехал, матушке наврал». Хотел Добрыня побить Олешу, да стар казак Илья Муромец не дозволил, и пошел он с молодой женой, с Настасьей Никулишной, домой.

(Зап. Ермолиной И. К.: авг. 1942 г., д. Трусовская Усть-Цилемского р-на — от Савуковой Татьяны Антоновны, 63 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.